

Генри Парр
Кафрская и Зулусская войны

Генри Парр

**Кафрская и Зулусская
войны. Мемуары капитана
британских колониальных войск**

«Издательские решения»

Парр Г.

Кафрская и Зулусская войны. Мемуары капитана британских колониальных войск / Г. Парр — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-508140-7

Автор данной книги Генри Галлам Парр, генерал-майор британской армии, участник нескольких колониальных войн в Южной и Северной Африке. В 1879 году в чине капитана принял участие в кровавой войне против зулусского царя Кечвайо. Книга содержит воспоминания автора об этих событиях.

ISBN 978-5-00-508140-7

© Парр Г.
© Издательские решения

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ	8
ГЛАВА I	10
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Кафрская и Зулусская войны Мемуары капитана британских колонизальных войск

Генри Парр

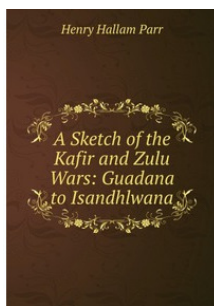
Переводчик Анатолий Павлович Смирнов

© Генри Парр, 2019

© Анатолий Павлович Смирнов, перевод, 2019

ISBN 978-5-0050-8140-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Генри Галлам Парр

Автор – Генри Галлам Парр (1847 – 1914) начал службу в британской армии в 1865 году. В 1878 году продолжил службу в Южной Африке, где в чине капитана принял участие в англо-зулусской войне 1879 года. Участник Первой англо-бурской войны 1881 года, англо-египетской войны 1882 года, а также нескольких войн в Судане. Вышел в отставку в 1903 году в чине генерал-майора.

From the Author.

A SKETCH

OF THE

“KAFIR AND ZULU WARS”

GUADANA TO ISANDHLWANA.

BY

CAPTAIN HENRY HALLAM PARR,

MILITARY SECRETARY TO H.E. SIR BARTLE FRERE.

WITH MAPS.

LONDON :

C. KEGAN PAUL & CO., 1, PATERNOSTER SQUARE.

1880.

ВСТУПЛЕНИЕ

Я нахожусь в Вулвичских доках – месте крайне безрадостном, в холодный, морозный день в ноябре. Добавьте к погоде сознание того, что вы направляетесь на другой конец света, на небольшом пароходе с тремя или четырьмя сотнями новобранцев, и что вы простились с людьми, от которых вы не хотели бы уезжать, и что ваши любимые родственники и друзья больше не увидят вас в течение многих месяцев.

Все мы были немного подавлены; но пароход должен был отплыть, поэтому не было времени для размышлений, и когда людей посадили на борт, настало время действовать для ответственных сотрудников – офицер, управляющий посадкой, пожелал нам доброго пути и сошел на берег. «До свидания, и удачи, – сказал он, ласково – Очаровательный маленький корабль, не так ли? Первокласное питание, хорошее вино и, поверьте, коровы для свежего молока!»

Как часто мы повторяли про себя во время рейса эту восторженную прощальную фразу! Питание было не первокласным; вино было не особенно хорошим и коров не было. Но мы этого еще не знали, мрачно смотря на вышеупомянутого штабного офицера, который сел на лошадь и не торопясь поехал в сторону своих уютных казарм.

Боюсь, я придал слишком мрачный и безысходный характер, происходящему, когда я писал о подготовке к нашему пребыванию на борту транспорта. Но я буду говорить о хорошем корабле и о его суровом шкипере с предельным уважением. Если бы они не были лучшими в своем роде, эти строки никогда не были бы написаны.

Через три дня после выхода из Вулвича мы попали в яростную бурю. Шкипер довольно весело рассказал трем женщинам на борту, что это была всего лишь плохая погода, но, вероятно, скоро она прояснится; но для мужчин он сказал только, что с нами «пока что все в порядке». Мы искренне надеялись, что шкипер знает, что делает, и, с трудом держась на ногах, наблюдали за злополучной «Ла-Платой», телеграфным судном, находящимся рядом и тяжело нагруженным кабельной катушкой на палубе. Мы благодарили нашу судьбу, что мы были на легко нагруженном судне.

«Пока все было в порядке» (хотя ни мы, ни кто-либо еще больше никогда не видели бедной «Ла-Платы»), а через три дня наш пароход дошел до Фуншала (главный город и порт острова Мадейра), выглядя довольно потрепанным, но в безопасности.

О, тягость нашего путешествия от Мадейры до Мыса Доброй Надежды! Маленький пароход был таким легким, что, если была хотя бы небольшая океанская зыбь, его винт также часто находился в воде, как и над водой, и судно, качаясь таким образом, покрывало только от четырех до пяти миль в час. Кулинария была хуже, чем посредственная; и, чтобы добавить нам побольше испытаний, среди людей разразилась какая-то болезнь, и было обнаружено, что единственное лекарство, которое могло помочь, присутствовало на борту в ничтожно малом количестве. Тем не менее, благодаря энергичным мерам предосторожности, хвороба отступила, и после тридцати утомительных дней мы бросили якорь в Столовом заливе и с восхищением посмотрели на Столовую гору, вдыхая ароматный бриз, который дул на нас с берега.

Не так много мест на планете красивее, чем Столовая гора, с ее постоянно меняющимися огнями и оттенками, облачной скатертью, ее соснами и серебряными деревьями, с ее стремительными потоками; и красотой нижних склонов горы, над которой старые голландские кварталы, выложенные высоко, по-прежнему стоят часовыми!

Особенность заключается в том, что гора нависает над Столовой бухтой и имеет плоскую вершину. Прекрасные кусты с цветами любого воображаемого оттенка и цвета, а также delicate полевые цветы растут здесь в изобилии; а внизу расположены живописные деревни, разбросанные среди сосновых лесов – коттеджи с глубокими, уютными верандами, решетчатыми окнами и крутыми соломенными крышами.

Воздух насыщен запахом водяных лилий, диких цветов и цветущих апельсиновых деревьев. Атмосфера настолько ясна, что контур синих гор (чьи самые высокие вершины покрыты снегом) выделяется на фоне синего неба с удивительной отчетливостью и формирует идеальный фон для старых белых фермерских домов, окруженных виноградниками и апельсиновыми рощами.

Было бы хорошо, если бы те, кто вынужден проводить свою жизнь в холодной Англии, могли знать, какой заманчивой климат, какие декорации и какие разнообразные интересные вещи ждут их в этой старой голландской колонии.

ГЛАВА I

Заседание Парламента Капской колонии в 1877 году было бурным. Велись жаркие споры по вопросу о защите границ, и на короткое время вопрос казался сомнительным, а судьба министерства дрогнула в шатком равновесии.

Представители восточных провинций Капской колонии, жившие среди кафров, произносили резкие речи, пророчествуя «о росте численности кафров и отсутствии какой-либо подготовки со стороны правительства на случай их агрессии». Высказывались мнения, что пограничная полиция бесполезна; что наши туземные союзники финго не желали сражаться, и что из вооружения у них есть только асеегаи, тогда как кафры были хорошо вооружены; что депутатам западных колонистов не помешало бы проехать к опасной границе, а не рассуждать, удобно расположившись на расстоянии пятисот-шестисот миль от кафрских земель; тогда они по-другому взглянули бы на вопрос организации охраны восточных границ.

Тогда западные депутаты, сторонники позиции министерства, отвечали, что «им стыдно было слышать такие паникерские речи, что вообще не было оснований полагать, что у кафров не было хоть малейшего намерения проявлять враждебность, а наоборот, с каждым днем они становились все более и более склонными к миру, что многие маленькие дети кафров пошли в школу, что на границе было много тысяч винтовок, что полицейские силы находились в самом боеспособном состоянии и что они с большим удовольствием гарантирует правительству, что Сандилли, великий вождь гайков, всякий раз, когда он был трезв, выражался решительно в пользу мира». В это время какой-то недовольный и упрямый восточный депутат шепчет на ухо другому, что, поскольку этот туземный джентльмен почти всегда пьян, депутат думает, что это не особенно хороший довод убеждать колониальное правительство в миролюбии дикаря.

Сессия подошла к концу, и депутаты разъехались по домам – по железной дороге, чтобы уладить старые споры с голландцами на западе, некоторые – пароходом к побережью, а восточные депутаты – в свои одинокие фермы в глубинке. Губернатор и министры отправились в восточную провинцию, а Капская колония погрузилась в свое обычное скучное состояние.

Вскоре, однако, эта скука была оживлена зловещими слухами с границы. Было сказано, что произошло сражение между нашими союзными фингами и кафрами после того, как обе стороны перепились пива. Кафры были вынуждены отступить, поклявшись отомстить, наши колониальные чиновники сомневались, могут ли они сохранить мир. Дух войны, казалось, поднимался, и дела казались достаточно серьезными, чтобы требовать присутствия губернатора и министров в Кинг-Уильямс-Тауне, главном городе у восточной границы.

Прежде, чем продолжить, мы должны дать некоторые объяснения того, какие тревожные элементы существовали на границе, и дать описание страны, иначе, наш рассказ не будет понятным.

Вначале следует сообщить, что туземные поселения есть только в восточной части Капской колонии. На западе есть туземцы, которые работают на белых в сельском хозяйстве, в мастерских, на железной дороге и т. д. Но только к востоку от реки Грейт Фиш – это племена, обитающие в деревнях или краях, живущие на земле, отведенной им. Здесь, можно заметить, причину большой антипатии между Восточной и Западной провинциями Капской колонии. С горькими воспоминаниями о старых кафрских войнах, которые все еще живы в его сознании, когда вокруг него обитает популяция кафров, колонист Восточной провинции смотрит на каждое свое начинание; в то время как западный провинциальный торговец или фермер (чье знание о коренных расах основывается на привезенных сюда трудолюбивых малайцах или голландских готтентотах) может с трудом понять, что вопрос безопасности на границе – это вопрос жизни и смерти для его восточного собрата.

Между Рекой Фиш и Большой Кей (восточной границей Капской колонии), а также между Большой Кей и рекой Баши (Мбаше), живут туземцы, которые до недавнего времени сражались, сопротивляясь установлению британского правления. Эти туземцы состоят из фингов и различных подразделений великого племени амаксо.

Кафрария (желтым цветом)

Более пятидесяти лет назад, когда кровожадный царь зулусов, Чака, опустошил Зулуленд, Наталь и участки страны на западе и северо-западе, поток миграции, состоящий из зулусов, бегущих от ярости свирепого правителя, направился в сторону страны, которая теперь называется Транскей или «восточная граница». Живущие там кафрские племена народа коса не были особенно рады такому вторжению. Они сами начали испытывать недостаток территории, и приток населения был, мягко говоря, излишним. В конечном итоге беженцам разрешили поселиться в стране косов, но только в качестве дровосеков и водоносов, и этому племени было дано презрительное имя «финго» или «собаки».

В конце первой Кафрской войны англичане выпустили фингов из их резервации, дали им участки земли в разных частях страны и поставили английских магистратов наблюдать за ними. Эти туземцы добились больших успехов в усвоении начал цивилизации и добились определенного процветания, что вызвало у различных ветвей народа коса ревность и ненависть. Финго всегда считались «правительст-венными людьми» и всегда сражались на нашей стороне в кафрских войнах.

Кафры коса подразделяются на следующие племена, названия которых последняя Кафрская война сделала хорошо знакомыми английскому слуху:

Галеки, чья страна (Галекаленд) находится между реками Кей и Баши (Мбаше), и чей вождь, Крели, считается главой всего народа коса. Гайки, которые обитают в разных частях колонии вдоль границы, главным образом, однако, в районе Кинг-Уильямс-Тауна, где их вождь Сандилли имеет свой «большой крааль».

Следует помнить, что большая разница между галеками и гайками состоит в том, что гайки (хотя они, вероятно, не очень ясно понимают этот факт) являются британскими подданными, а галеки были до войны независимыми и, всего лишь, под британской защитой. Помимо гайков и галеков есть также тамбуки и тембус, которые являются двумя близкими племенами, но проживают, как гайки и галеки, по разные стороны реки Кей. Тамбус, чье обитание – Транскей к северу от Галекаленда, сражались с нами против галеков; в то время как большинство

тамбуков, живущих в окрестностях Куинстауна, города в ста двадцати милях к северу от Кинг-Уильямс-Тауна, восстали против нас под руководством вождя Гонгубеллы.

Все эти племена нецивилизованны, и в некоторых частях колонии мы вынуждены позволять вождям иметь значительную независимость, что способствует кафрам оставаться такими же дикими и варварскими, как до того, как в их страну пришел белый человек.

Физические особенности, язык и происхождение всех кафрских племен, на всей территории Восточной провинции Капской колонии до границы с Зулулендом, почти одинаковы.

Восточная Капская провинция

У них нет никаких форм религиозной веры и никаких нравственных убеждений. У них есть смутное представление о «какой-то великом неосязаемом и непонятном создании», но они никогда не молятся. У них есть туманное представление о том, что их предки обитают на другой земле и в определенной степени они верят призраков из потустороннего мира. В своих баснях или сказках фигурирует какое-то существо, очень маленькое и озорное, которое вредит скотине, людям и животным, которые попадают к нему на пути. У него нет определенного имени, и не совсем ясно, верят ли они в него или рассматривают как миф.

Наиболее активная и, по сути, почти единственная вера кафров – это вера в могущество колдунов, которые несут ответственность за большую часть зла, вершимого среди племен. Когда происходит какое-либо неприятное событие, колдуны заявляют, что знают ответственного за него человека, и его жизнь становится проблемной, если он живет в Капской колонии. Но если ему выпало жить в Зулуленде, его имущество конфискуется в пользу короля или вождя, и ему повезет, если он убежит из страны живым. Любопытно, что мужчины, которые не владеют большим количеством скота, крайне редко становятся объектами обвинений со стороны колдунов.

Прежде чем начать войну, многие воины племени обращаются к главному колдуну-врачевателю за тем, чтобы он сделал их неуязвимыми. Перед последней войной с нами их вожди и колдуны проповедовали о том, что пришло время, когда белых людей надо вытеснить к морю, и если кафры принесут в жертву как можно больше голов своего скота, все умершие воины их племени поднимутся из моря в количестве десятков и десятков тысяч, и с их помощью кафры изгонят ненавистного захватчика со своей земли. Результат не был таким, каким они ожидали; воины действительно вышли из моря, но они были белыми воинами (прибывшими на кораблях) и сражались на стороне их врагов, а кафры испытали отчаянный голод, так как истребили во время жертвоприношений почти весь свой скот.

Но мы отвлекаемся от войны 1877 года.

Известие о том, что, вероятно, начались беспорядки на границе, вызвало большое волнение в Кейптауне, где всегда существует чрезвычайная неопределенность в осведомленности о пограничных делах.

Транскей на современной карте

Количество воинов, которое вождь Крели мог выставить в поле, умножалось в десять раз, а об их боевых способностях говорили со страхом.

Общественное мнение, похоже, сомневалось, было ли разумно защищать «транскейских фингов», и были ли мы достаточно сильными для этого. Спрашивали, если мы возьмем сторону фингов, не присоединятся ли гайки к галекам и не восстанут ли против нас? Однако, вскоре

мы услышали от правительства, что британские подданные, в частности, финги, не могут подчиняться любому вождю в Транскее, кем бы он ни был. Сообщалось, что вождь Крели был проинформирован о том, что финги были британскими подданными, и что, если его народ нападет на них, полиция будет действовать против галеков.

Однако, это предупреждение пока не дало результатов, и мы в Кейптауне с тревогой ожидали новостей о первом сражении или о том, что Крели распустил свою армию. Утро 27 сентября 1877 года было очень бурным, и, следовательно, телеграфные линии плохо работали и самым медленным и самым мучительным образом сообщали новости о действиях в Транскее за два дня до этого. Сразу был отправлен приказ о посылке подкреплений на границу. Это действие было названо впоследствии «битвой за Гуадану».

Нападение кафров на обоз белых поселенцев. Картина XIX века

Армия галеков, насчитывающая около четырех или пяти тысяч человек, напала на смешанное войско из восьмидесяти полицейских и тысячи пятисот фингов возле Ибеки, главного полицейского поста в Галекаленде.

Финги сражались нерешительно, и вскоре бежали с поля боя, пугая полицейских лошадей и вызывая беспокойство некоторых из наших парней, которые недавно вступили в полицию. На этом этапе полиция была вынуждена отступить к Ибеке. По прибытии этого сообщения в Кейптаун стало совершенно очевидно, что вопрос о мире или войне решился в пользу последней, и почтовый пароход, покидающий Столовый залив, в тот день получил большое количество пассажиров, направлявшихся на границу, чтобы увидеть все своими глазами.

Все, даже самое неприятное событие, имеет свои преимущества. Следующее обстоятельство также имеет свои достоинства. Плающее небо, ослепляющая пыль, владение одной третьей частью ящика на колесах, именуемого «капской» телегой, рассчитанного на двух человек, две другие части указанного ящика заняты: левая треть – мальчиком-готтентотом, вооруженным дубинкой и щитом из коровьей кожи; правая часть – кучером-готтентотом, который за день до этого был изгнан разбойниками из почтовой кареты и сильно побит. Оба «тогги» (как их называют в Кейптауне), одеты в старое тряпье. И старое тряпье и старые готтентоты выглядят очень подавляюще!

«Полуцивилизованные» готтентоты («тотти»)

Все это было не очень приятно, и когда я чувствовал склонность излить свое скрытое раздражение в открытом гневе, вид бедного старого кучера-тотти постоянно подстегивающего его четырех несчастных лошадей, его забинтованная голова и один глаз, полностью закрытый, и кровь сочающаяся сквозь бинты, заставляли меня молчать.

Шесть часов тряски, пыли, солнца и горячего ветра прошли, и бедные изможденные лошади довели телегу до холма над Грэхэмстауном и до пересадки на следующую телегу, следующую в направлении города Порт-Элизабет. Когда начался спуск с холма, и в нижележащей долине был замечен красивый маленький городок, стало очевидно, что происходило что-то необычное из-за количества верховых лошадей и добровольцев в полувоенной форме, которые также спускались вниз в город.

Оказалось, что это организовали сбор добровольцев и что муниципалитет города был занят покупкой всего необходимого для вооружения и обмундирования волонтеров.

Выехав из Грэхэмстауна на следующее утро, я вскоре обнаружил, что страна опустела. Ни одного фермера не было видно; и вообще, ни одного белого человека; все фермеры, очевидно, бежали из этого, охваченного страхом перед кафрами города.

Дорога из Грэхэмстауна в Кинг-Уильямс-Таун является исторической достопримечательностью, а также сценой многих стычек и битв в старых войнах; и по этому поводу кучер телеги в усвоенной им голландской манере рассказал много историй. Эта телега вызвала бы много любопытства, если бы она появилась на деревянном тротуаре Пикадилли. Она была похожа на кэб (не четырехколесную карету или повозку, а на их доисторических предшественников), только намного больше и с низким сиденьем впереди для кучера; лошади были четырьмя маленькими жилистыми клячами с выпирающими через шкуру ребрами.

До захода солнца они проделали почти шестьдесят пять миль и показали лишь небольшие признаки скорби и усталости, и полностью оплатили своему хозяину за заботу, которые он проявлял к ним на каждой остановке. На следующее утро, не успев наскоро позавтракать в придорожном постоялом дворе, мы с такими же голодными постояльцами тряслись в фургоне дальше через буш реки Фиш.

Именно здесь кафры причинили нам такие неприятности во время последней войны, потому что густые кустарники у дороги давали им бесчисленные возможности подстергать, атаковать и преследовать караваны фургонов и части войск, которые постоянно использовали эту дорогу. Здесь был использован единственный реальный шанс поймать туземных врагов во время войны в открытом поле, и этот шанс не упустили. Пикет 7-го драгунского полка атаковал и преследовал замеченного врага. Будучи пойманными, кафры заявили, что солдаты-кавалеристы, должно быть, все были вожжами из-за размера и красоты их лошадей.

Атака кафров

Пустой желудок не способствует ярким взглядам на вещи в целом, и мы не могли не думать о том, что если в последней кафрской войне 1851—1852 г.г. потребовалось от пятнадцати до двадцати тысяч солдат в разных частях колонии, мы должно быть, испытываем сейчас явный дефицит людей в войсках, поскольку, по сообщениям, кафры теперь были гораздо лучше вооружены, чем раньше.

Эти мысли посещали нас незадолго до того, как наши семифун-товые горные пушки и наши «снайдерсы» показали, насколько эти потрясающие образцы оружия усилили наши войска.

Однозарядная винтовка Снайдера образца 1866 года

В середине дня мы подъехали к одинокому придорожному дому, и голодных путешественников встретила почти девятидесятилетняя старушка.

«Вы еще не уехали, мэм?»

«Бог не прости меня, если я убегу из-за шайки трусливых негров. Я и мои сыновья останемся здесь, и возможно, стыд примет убегающих трусов, которые увидят, что такая старая женщина осталась».

После этого я мог только надеяться, что добровольцы и фермеры на фронте будут ободрены примером этой доблестной старушки, которая сдержала свое слово, и она и ее сыновья обороняли свое жилище и подавали пример во все время тревожных событий на границе.

В шесть часов вечера была остановка на ночь, а в восемь утра телега въехала в Кинг-Уильямс-Таун.

Было очевидно, что ситуации очень серьезная. Каждый человек, достаточно сильный, чтобы обращаться с винтовкой и кто еще не принадлежал к волонтерскому корпусу, вступал в городское ополчение, а затем два раза в день проходил обучение в казармах, пока не был признан усвоившим первичные знания военной службы и владения стрелковым оружием. Эти люди, как среднего возраста, так и весьма пожилые, очевидно, привыкли к малоподвижному

образу жизни, и вряд ли могли продемонстрировать свою эффективность в случае реальной военной опасности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.